

А. И. Жарова
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

МИР ПРАВОСЛАВИЯ В РОМАНЕ И. А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»¹

***Аннотация:** В статье предпринимается попытка проследить, как меняется и преобразуется религиозное чувство главного героя в книге «Жизнь Арсеньева». Рассматриваются наиболее знаковые эпизоды в произведении, которые содержат описание восприятия православной веры героем, его чувств и переживаний, связанных с тем или иным переломным моментом в жизни. Делается акцент на сценах, содержание которых свидетельствует о духовном состоянии героя на том или ином жизненном этапе.*

***Ключевые слова:** религиозное чувство, прелесть, мир православия, Арсеньев, вера.*

*«Я уже твердо знаю теперь,
что прекрасней и выше всего этого
нет и не может быть ничего на земле»*

И. А. Бунин

Вынесенные в качестве эпиграфа строки, по нашему мнению, гармонично соотносятся с темой статьи. Для писателя мир и соединение с ним, взаимопроникновение было естественным бытием, его мироощущение вбирало в себя все, что воспринимали органы чувств, в том числе и православие, особенно обрядовую его сторону. Доминирует в общении с миром у Бунина-художника, как нам кажется, зрение. Вот как пишет об этом Ф. А. Степун: «У Бунина же зрение предельно обострено; ему отпущены не только орлиные глаза для дня, но и совиные для ночи. Поистине он все видит» [Степун, с. 92]. А суждение об обрядовости мы основываем на высказывании Ю. Мальцева: «Христианство всегда привлекало Бунина своей

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Викторовны Пращерук.

обрядовой вещественной стороной, красотой и древностью – материализованной поэзией и воплощенной традицией» [Мальцев, с. 32]. Здесь же отметим, что вопрос о христианском / православном векторе религиозности Бунина-художника до сих пор можно считать дискуссионным. Эта проблема вызывала интерес у таких исследователей, как Ф. А. Степун, И. А. Ильин, Г. Адамович, К. Зайцев, М. М. Дунаев, П. Бицилли, О. А. Бердникова, Т. А. Кошемчук, Н. В. Пращерук и др.

Нам представляет важным, как решается эта проблема в главной книге писателя, максимально воплотившей его духовные искания. Обратимся непосредственно к тексту и к фигуре Алеши Арсеньева, глазами которого мы наблюдаем, в каком мире он живет.

Для начала будет интересно рассмотреть, каким образом происходит развитие религиозного чувства у героя романа – с детских лет и до периода молодости.

Первое впечатление от встречи с Богом у героя, как мы помним, связано с восприятием смерти «Когда и как приобрел я веру в Бога, понятие о Нем, ощущение Его? Думаю, что вместе с понятием о смерти. Смерть, увы, была как-то соединена с Ним (и с лампадкой, с черными иконами в серебряных и вызолоченных ризах в спальне матери)» [Бунин, с. 26]¹. Сам герой с сожалением рассуждает о нераздельности Предвечного Бога и смерти, но в этом же отрывке Арсеньев говорит с надеждой о другом синтезе, светлом: «Соединено с Ним было и бессмертие. Бог – в небе, в непостижимой высоте и силе, в том непонятном синем, что вверху, над нами, безгранично далеко от земли» [Там же]. В детстве, в условиях деревенской жизни юный Алеша имел удивительную возможность существовать неразрывно с православием, и, в первую очередь, это связано с его матерью, с ее твердой верой и сокрушенным сердцем «И не раз видел я с каким горестным восторгом молилась в этот угол мать, оставшись одна в зале и опустившись на колени перед лампадкой, крестом и иконами...» [с. 28]. Этот образ остался с героем навсегда.

Юный Алеша тяжело переживал смерти, которые одна за одной постигали семью Арсеньевых, особенно его поразила и «лишила чувства жизни» кончина младшей сестры – Нади: «моя уstraшенная и как будто чем-то

¹ Здесь и далее текст Бунина цитируются по данному изданию с указанием страницы в квадратных скобках.

глубоко опозоренная, оскорбленная душа устремилась за помощью, за спасением к Богу. Вскоре все мои помыслы и чувства перешли в одно – в тайную мольбу к Нему» [с. 42]. Пожалуй, этот период горячей детской молитвы будет единственным в жизни героя. Помимо нее герой также исполняет особое правило – читать духовную литературу: «стал жадно, без конца читать копеечные жития святых и мучеников, которые стал привозить мне из города сапожник Павел из Выселок» [Там же]. Особая чувствительность мальчика, его жажда освободиться от боли утраты выразилась в конечном итоге, к сожалению, не в стяжании мирного духа, а в обычном «душевном восторге» и в прелести – опасном духовном недуге: «отрешился от жизни дома, замкнулся в своем сказочно-святом мире, упиваясь своими скорбными радостями, жадной страданий, самоизнурения, самоистязания. Я пламенно надеялся быть некогда сопричисленным к лику мучеников и выстаивал целые часы на коленях, тайком заходя в пустые комнаты, связывал себе из веревочных обрывков нечто вроде власяницы, пил только воду, ел только черный хлеб» [с. 43]. Поясним, что такое прелесть духовная и в чем она проявляется. «Прелесть – заблуждение, прельщение, обман» [Дьяченко, с. 486]. Довольно точно о состоянии нашего героя пишут святые отцы и богословы: «Горькая участь уклониться в самообольщение и прельщение злыми духами предлежит тем, кто мечтает достигнуть высоких молитвенных состояний, имея при этом ревность не истинную, а плотскую, душевную. Неправильное упражнение молитвою неразлучно с самообольщением, из которого и произрастает бесовская прелесть» [Архимандрит Лазарь, с. 343]. Собственно, у Алеши Арсеньева молитвенное рвение не было продиктовано духовной жадной, он не был намерен исправить себя, принести покаяние, хотя сложно говорить о состоянии покаяния у ребенка, но, тем не менее, намерения меняться к лучшему не было, скорее, было желание получать удовольствие от «самоистязания». К тому же подобное состояние у героя продолжалось недолго (это уже к счастью), потому что все вышеперечисленное впечатлительный ребенок делал формально. Поэтому и такое «подвижничество» продолжалось всего несколько месяцев: «И длилось это всю зиму. А к весне стало понемногу отходить – как-то само собой» [с. 43].

Одновременно с этим переломом в душевной жизни героя происходит личностный перелом, и наступает новый этап: «Просто Алеши не стало, –

теперь был Арсеньев Алексей, ученик первого класса такой-то мужской гимназии» [Там же]. Пребывание в гимназии будет связано с одним знаменательным моментом, по нашему мнению, который и открывает мир православия в романе. Но прежде обратим внимание на чрезвычайно значимый образ – он словно соединяет все периоды жизни нашего героя, а также указывает на связь Алексея с православием, на укорененность его рода в нем – это икона Святой Троицы, которая передавалась по материнской линии детям. Об этом трогательном факте читатель узнает уже в конце романа, когда молодой мужчина «привычно» крестится на этот образ каждый день, припоминая материнское благословение ему на жизнь. Если учитывать, что у Арсеньева в период взросления менялась точка зрения в религиозном вопросе: горячая, сердечная вера перемежалась временно с формальной, восторг от обрядовости превалировал над стяжанием мирного духа, иногда, под влиянием Глебочки и его приятелей-атеистов, возникали в уме сомнения в существовании Бога, то особенно примечателен тот факт, что герой не расстается с дорогой иконой во все периоды своей жизни.

Такое трепетное отношение к образу, передаваемому по наследству, крепко соединяет нашего героя не только с его пращурами, но и с историей всего Отечества, с миром именно русского православия. Его насыщенное и целостное изображение мы находим в главе, где Арсеньев с гимназистами находится на Всенощном бдении в церкви Воздвижения Креста Господня: «Нет, это неправда – то, что говорил я о готических соборах, об органах: никогда не плакал я в этих соборах так, как в церковке Воздвиженья в эти темные и глухие вечера, проводив отца с матерью и войдя истинно как в отчую обитель под ее низкие своды» [с. 72]. Встречи с Богом, однако, не происходит, соединения с Ним – тем более (если учитывать, что герой присутствует на Всенощном бдении, а не на Божественной Литургии). Переживания в храме опять же носят душевный характер, герой не молится, он как бы отделяет происходящее, пение клироса от себя, от своего сердца, находится в позиции наблюдателя. Но Арсеньев при этом не впадает в прелесть, его чувства искренни и исходят из сердца. Следующий отрывок яркий пример тому: «Как все это волнует меня! Я еще мальчик, подросток, но ведь я родился с чувством всего этого, а за последние годы уже столько раз испытал это ожиданье, эту предваряющую службу напряженную тишину,

столько раз слушал эти возгласы и непременно за ними следующее, их покрывающее “аминь”, что все это стало как бы частью моей души, и она, теперь уже заранее угадывающая каждое слово службы, на все отзывается сугубо, с вящей родственной готовностью. “Слава святей, единосущней” – слышу я знакомый милый голос, слабо долетающий из алтаря, и по всему моему телу проходит сладостный трепет, и уже всю службу стою я потом, как зачарованный» [Там же].

Через некоторое время герой бросает обучение в гимназии, и начинается следующий этап жизни Арсеньева – юность и переезд в Батурино. В этот период жизни героя можно выделить, по нашему мнению, два знаменательных события, напрямую связанные с духовной проблематикой – смерть Писарева и связь с Тоней.

Ситуация кончины человека переживается Арсеньевым крайне чутко, настолько, что впечатления не вместились в границы одной главы. Кульминация чувств приходится на сцену отпевания и похорон Писарева. Автор детально прописывает все происходящее, всю обрядовую сторону и, конечно, ощущения героя: «Воздавая ему “последнее целование”, я коснулся венчика губами – и, Боже, каким холодом и смрадом пахнуло на меня и как потрясла меня своей ледяной твердостью темно-лимонная кость лба под этим венчиком!» [с. 103]. Юный Арсеньев еще глубже задумывается о смерти, о том, что ждет христианина после кончины, мысли о собственном конце герой не принимает вовсе: «даже пытался уверить себя, что ведь будет в некий срок и со мной то же самое... Но веры в это не было ни малейшей» [с. 104]. С такими чувствами герой вступает в «совершеннолетнюю жизнь», как он сам свидетельствует, и через некоторое время наступает еще один перелом, точнее будет сказать – надлом.

Связь с замужней молодой женщиной оценивалась самим героем сложно: с одной стороны, он понимал, что совершил грех – и продолжает совершать, не покаившись. Описанные ощущения героя являются наглядной картиной того, как может измениться человек после грехопадения. Автор выбирает следующие слова для характеристики состояния Алексея: «настоящее помешательство», «ужасное время», «жесточайшая ревность», «с видом человека, неожиданно совершившего убийство», «страшная, непоправимая катастрофа», «смертельная тоска, чувство чего-то ужасного, преступного

и постыдного, внезапно погубившего меня». С другой стороны, произошедшее тешило его проснувшееся мужское самолюбие, которое торжествовало. Интересно, что, подсознательно оценивая свое состояние как «ужасное», герой воспринимает разговор с братом и расчет Тони как спасение от Бога. Приведенный пример вряд ли можно расценивать сугубо в христианском ключе, но нам было важно отметить, как меняется духовное состояние Арсеньева после совершенного греха.

Через некоторое время решимость покинуть Батурино только укрепляется в Алексее и получает свое разрешение с пришедшим письмом брата Георгия. Поездка к брату, путешествия, Орел, знакомство с Ликой – все это очаровывает героя, влияет на его мироощущение, и, надо отметить, описаний религиозного чувства становится все меньше. Однако как раз в этот период цветущей молодости мы узнаем о той родовой иконке Святой Троицы, а также о иконе Пресвятой Богородицы, которая появляется в главе, где разрыв с Ликой окончателен, где герой мучается воспоминаниями: «Я лежу и смотрю в передний угол – в его треугольнике висит старая икона, на которую она молилась перед сном: и на этом лаково-красном поле образ Богоматери в золотом одеянии, строгой и скорбной, – большие, черные, запредельные глаза в темном ободке. Страшный ободок! И страшное, кошунственное соединение в мыслях: Богоматерь – и она, этот образ – и все то женское, что разбросала она тут в безумной торопливости бегства» [с. 283]. Символично, что возникает образ именно Пресвятой Богородицы «в этом угадывается его (героя) коренная, глубинная связь с православной традицией, для которой характерно особое почитание Божьей Матери» [Пращерук, с. 210].

Очевидно, что тема православной религиозности не становится доминирующей в главной книге Бунина, но она особенно важна как достраивающая жизнеописание героя духовным вектором.

Список литературы

Архим. Лазарь (Абашидзе) Грех и покаяние последних времен. О тайных недугах души. – М.: Сретенский монастырь, 2000. – 415 с.

Бердникова О. А. Духовные проблемы русской литературы XX века. Учебное пособие. В 2 ч. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. – Ч. 1. – 150 с.

Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Худож. лит., 1966. – Т. 6. – 340 с.

Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. – М.: Отчий дом, 2000. – 1120 с.

Мальцев Ю. В. Бунин: 1870-1953. – М.: Посев, 1994. – 432 с.

Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина как художественно-философский феномен: учеб.-метод. пособие / науч. ред. О. В. Зырянов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 232 с.

Степун Ф. А. Иван Бунин. // Степун Ф. А. Встречи. – Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1962. – С. 87–102.